

* Н * В * П *

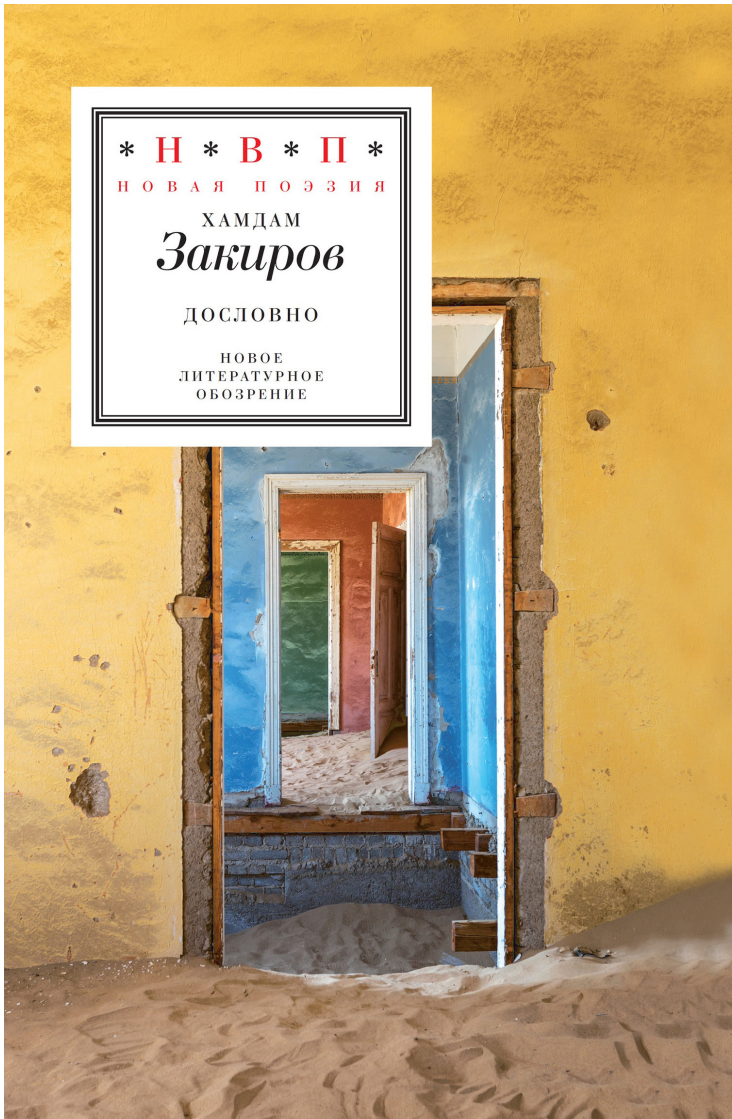
НОВАЯ ПОЭЗИЯ

ХАМДАМ

Закиров

ДОСЛОВНО

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБЗРЕНИЕ

Хамдам Закиров
Дословно (сборник)
Серия «Новая поэзия (Новое
литературное обозрение)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31518870
Дословно: Новое литературное обозрение; Москва; 2018
ISBN 978-5-4448-0897-9*

Аннотация

Хамдам Закиров (р. 1966) детство и юность провел в Фергане. Учился в Высшем военно-морском инженерном училище им. Ф. Дзержинского в Ленинграде, в Ташкентском и Ферганском университетах. Работал корреспондентом и редактором газет, завлитом театра, сотрудником музея, владельцем букинистического лотка на рынке. С 1994-го по 2001 год жил в Москве, затем в Финляндии. В 1996 году в библиотеке «Митинога журнала» вышла книга стихов «Фергана». Публикации в российских и зарубежных русскоязычных изданиях. Переводы на английский, венгерский, испанский, итальянский, латышский, немецкий, финский, французский, эстонский. Изданы книги стихов в переводах на эстонский (2015) и финский (2016). Куратор интернет-проектов «Библиотека Ферганы» и «Русская Кавафиана». Живет в Хельсинки.

Содержание

Реализм обыденности, реализм маленьких происшествий	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Хамдам Закиров

Дословно

Реализм обыденности, реализм маленьких происшествий

*Не болтай о великих стихах – шепчи их про себя.
Низами. «Сокровищница тайн»*

1

Позднесоветское время было на редкость далеко от реализма, хотя, казалось бы, беспрецедентное в истории отсутствие классовых и языковых перегородок должно было бы подтолкнуть интерес молодых интеллектуалов и художников (включая поэтов) к внутреннему миру людей из той самой *гурьбы* и того самого *гурта*, в верности которым клялся перед гибелью один из их кумиров.

Но всё обернулось иначе: и тут пассаистская идентификация себя с дореволюционными привилегированными классами, особенно яростно декларируемая ленинградской неофициальной культурой 1970-х, была не уникальна. В каждой республике СССР можно было столкнуться с аналогичными конструированиями своих Золотых или Серебряных веков весьма различной направленности, воинственности и элитарности.

Их объединяло одно – эскапистское неприятие реальности: всех этих десятков миллионов крестьян, за одно поколение перебравшихся в города и непоправимо этим травмированных, всех этих нагромождений бытового убожества и даже уродства, тем не менее предохранявших общество от взрывоопасного социального расслоения, всех этих оскорбительных для людей культуры пропагандистских трюков, позволявших неповоротливой государственной машине с переменным успехом дисциплинировать глухих к логическим доводам и умиротворять в полиэтничном государстве участников вековой взаимоистребительной междуусобной вражды.

Возможно самым экзотичным, иррациональным и, одновременно, эстетически убедительным явлением этого рода выглядела заявившая о себе на рубеже 1980-х и 1990-х годов *Ферганская поэтическая школа*, содружество поэтов из периферийного даже для своей далекой республики городка, сочетавшая приверженность русскому языку с отказом от русской поэтической традиции, верность *Genio Loci* с индифферентностью к своему пропитанному тысячелетней культурой краю, декларативное неприятие иерархичности с отчетливо возвышающейся фигурой ее лидера Шамшада Абдуллаева (р. 1957).

С тех пор прошло четверть века. Шамшад Абдуллаев, давно заслуживший репутацию едва ли не самого значительно-го из пишущих на русском языке поэта своего поколения и

(что не само собой разумеется) отмеченный многими премиями (Андрея Белого, дважды Русской премией, стипендией Фонда Бродского), остался в Фергане и встретил свой шестидесятилетний юбилей новой, пятой по счету поэтической книгой (было еще две книги эссеистики), другие члены содружества, расставшись с родными местами после крушения СССР, постепенно расстались и с поэзией. Но среди них оказался один, кто нарушил общее правило. Это был Хамдам Закиров.

2

Будучи младше на целое десятилетие (р. 1966), он выпустил в 1996 году книгу, которая так и называлась – «Фергана», после чего публиковался только в периодике. Но именно Хамдам Закиров, вторую книгу которого (вышедшую после двадцатилетнего перерыва) читатель держит в руках, не позволяет увернуться от вопроса: а насколько ставшее уже мифом наше представление о Ферганской школе соответствовало и соответствует реальности тех лет, насколько возникшая в стихах и эссеистике Шамшада Абдуллаева Фергана подлинна?

Как и полагается в исламском мире поэту в высшем смысле этого слова (тут подходят такие слова, как *шаир*, *муаллим*, *усто*), Шамшад или беседует с ангелами:

Над ним – ангелы, грубые, сильные –
не слушаются Аллаха в том, что Он приказал

Коран. Сура 66, аят 6

или пребывает в своем трагическом отстранении «от людей и джиннов»:

Возвращаясь с мазара (кладбища. – С. 3.), на повороте мопедного марафона, заросшего звёздчатой колонией смолистых швов, перед пешей полосой, среди словно раздвоенных, навозно-шиферных кибиток, обратил внимание на три темнолицые фигуры в тени саманного дома, месившие босыми ногами иссерасерую глину для нового дувала...

...Замедлил шаг на шесть-восемь секунд, прощаясь с тем, что незыблемо пребудет здесь, на городской окраине, как верная своему периферийному месту в грядущих повторах, отставшая от безвременья, порционно скудная, корявая, неподъёмная горсть Тысячелетнего царства.

«Уцелевший полдень»

Но прежде чем сесть за стол в *медресе*, нужно освоить грамоту в *мектебе*, и обучать ей предназначены иные люди. Позволю себе взять на время эту смиренную роль.

Итак, для начала Фергана – это, вообще говоря, не город, а довольно большая, окруженная горами долина в верхнем течении Сырдарьи. Ее площадь и население сопоставимы со Швейцарией, Нидерландами или Бельгией.

В первом тысячелетии она входила в состав различных иранских государств, во втором тысячелетии их сменили тюркские правители. Последние два века до прихода европейцев она представляла собой самостоятельное Кокандское ханство, где мозаично сосуществовали различные социокультурные группы: ираноязычные (европейцы их классифицировали как *таджиков*) и тюркоязычные (сначала европейцы разделяют их на три «нации»: *узбеков*, *сартов* и *кара-киргизов*, затем сартов и узбеков в соответствии со своими представлениями о тождестве между языком и национальностью сольют в одну, а киргизов лишат романтической приставки).

Медленное время текло, и доля тюркоязычных всё более и более увеличивалась. А между тем именно в Фергане имперская перепись населения 1897 года идентифицировала как *узбеков* лишь десятую часть тюркского населения (это были жители бывшей столицы, Коканда, и его окрестностей), тогда как *сартами* – более половины. Это были покоренные прежде ираноязычные автохтоны, несущие в своем сознании травмы, связанные со сменой языка и идентичности. Неудивительно, что сегодня это название употребляется лишь как оскорбительная кличка.

И вот сразу же после завоевания ханства (1876) в 10 км от старинного «сартского» города Маргилана покоритель здешних мест генерал Скобелев воздвигает имперскую цитадель Новый Маргилан, вскоре получившую имя своего основа-

теля. Здесь располагаются военная и гражданская администрации преобразованной из бывшего ханства Ферганской области и появляется связанное с ней европейское (русское, польское, немецкое, ашкеназско-еврейское) население. В ходе советизации в 1924 году была образована Узбекская ССР, позднее возникнут Таджикская ССР и Киргизская ССР, и к ним отойдут крайний запад долины (Ходжентская/Ленинабадская область) и ее крайний восток (Ошская область), причем границы между республиками будут в 1920-е годы несколько раз меняться. Тогда же Скобелев переименовуют в Фергану, но вплоть до конца Второй мировой войны он сохранит и свои административные функции над всей «узбекской» частью долины и 3-х – 4-х кратное преобладание европейского населения, которое становится еще более пестрым после депортаций крымских татар и месхетинских турок. При том, что расти он будет относительно медленно (много медленнее, чем его сельская округа), лишь слегка обогнав к моменту падения СССР Коканд со Старым Маргиланом и едва достигнув населения в 200 тысяч (ничтожного по масштабам европейской части страны). Тогда же доля азиатского населения начнет перевешивать европейскую.

Сохранивший осколки колониальной и сталинской архитектуры, обросший серийными позднесоветскими пятиэтажками с редким вкраплением традиционных махаллей, город обладал уникальной для Средней Азии особенностью: тенистыми бульварами, предназначенными для чуждо-

го местному укладу жизни фланирования (в мусульманских городах не «гуляли», как не «гуляли» по древним Афинам или по средневековой Венеции). Именно здесь, на скамейках этих бульваров, в летнем тепле, продолжающемся две трети года, и родилось это причудливое поэтическое содружество, всё более и более воспаряя и уносясь в воображаемые миры, всё менее замечая за спиной Советский Узбекистан последнего колониального десятилетия.

И также как ленинградских ретромоде­р­ни­стов мало волновали рабочие из горячих или сборочных цехов «Кировского» или «Большевика», так и поэты ферганской школы не заметили ни лежавшего в 10 километрах к северу, застроенного допотопными глинобитными хижинами старого города, ни плантаций с согнувшимися над хлопковыми коробочками покорными низкорослыми дехканами (это их дети устроят кровавый погром летом 1989 года).

3

Ряд эссе Шамшада Абдуллаева можно расценивать как манифесты или, лучше сказать, как различные изводы одного манифеста. Вот пример его высказывания: «Подчеркивать свой антиисторизм и неприязнь к социальной реальности, страх перед действием и тотальностью наррации, депрессивно переживаемую естественность и мета-личное упрямство, с каждым разом всё больше отдаляющее нас от смысла про-

исходящего» (Предисловие к антологии «Поэзия и Фергана», 2000). Но одно дело, если мы упиваемся наслаждением от вдохновенных слов Поэта, а совсем другое, если мы не менее страстно жаждем как раз реконструировать эту самую *социальную реальность*, если нами движет именно *историзм*, если мы кладем свою жизнь на постижение *смысла происходящего*. В этом случае мы обречены не на импрессионистический пейзажный этюд, а на многоаспектное картографирование интересующей нас местности с точным указанием его орографии и гидрографии.

И нашим проводником по здешним тропам будет не парящий в заоблачных высях *шаир*, а *бахши*, участник многочисленных сборищ, демократичный, склонный к диалогу, тем более что канон в литературах исламского мира строится на принципе *назире* – ответа (в том числе и полемического) на стихи, являющиеся святыней для *муридов*.

Вообще это свойственное исламскому миру разделение поэтических амплуа неумолимо настигло ферганских поэтов при всём их желании, как сформулировал его Шамшад, «отодвигаться как можно дальше от собственных корней».

Таким *бахши* и стал самый младший из участников ферганского поэтического сообщества Хамдам Закиров. Уроженец древнего ираноязычного города Риштан, лежащего между Кокандом и Ферганой у подножья покрытого вечными снегами Алайского хребта, Хамдам в детском возрасте оказался в Фергане и перешел по ряду обстоятельств с таджик-

ского не на узбекский (как это обычно бывало), а на русский. Столь же противоречила обычному порядку вещей и его дальнейшая биография: военно-морское училище в Ленинграде, многолетняя жизнь в самом центре Москвы, эмиграция в Финляндию.

4

Пришло, однако, время отметить, что ферганское сотоварищество не было единственным свежим дуновением в удушливом мареве советской сатрапии. В позднесоветское время по-узбекски стали публиковаться поэты с модернистской выучкой, как Рауф Парфи (1943–2005) или Мухаммад Салих (р. 1949), в годы перестройки зазвучали также и неореалистические ноты, например у Шавката Рахмона (1950–1996) или Хуршида Даврона (р. 1952), но парадоксальным образом пафос их проекта «узбекского возрождения» был более европейским по духу, нежели космополитический эскапизм «ферганцев». В каком-то смысле можно сказать, что они поддались на уловку колониализма, внушающего покоренным народам чувство неполноценности в виду собственной «осталости» и «нецивилизованности».

Дело в том, что исламский мир не знает «национального проекта». Веками Иран и Туран жили в симбиозе, как степь и оазис, как горы и равнина. Поэзия знала два языка: *фарси* и *тюрки*. И доминировала поэзия на фарси, при том, что

политически (а затем и демографически) турки преобладали. Выбор языка поэтом не зависел прямо от того, был ли он для него родным. Это глубоко чувствовали сто лет назад вожди предыдущего «возрождения», *джадиды*. Пантюркизм для них был не мечтой о создании единого национального государства от берегов Дуная до Великой Китайской стены, но надеждой на возможность такого же культурного единства, как реальностью единства в вере переживался ислам.

И как немыслима молитва не на языке Пророка, так немыслимы стихи не на языке, освященном священной традицией. Это может быть язык могучего персидского канона от Фирдоуси до Джамии, а может быть язык *назире* на этот канон Навои и Физули, но выбор языка для *шаира* мало зависит от того, на каком языке общаются между собой посетители базара в центре того или иного султаната, ханства или эмирата, будь то Стамбул, Багдад, Исфахан, Самарканд или Дели. Поэтому, когда *шаир* в «собрании утонченных» (термин Навои) находит для своего вдохновения слова в английском (Индостан), французском (Магриб) или русском (Туркестан) языках, он – больше *шаир*, чем тот, кто пытается скопировать у «неверных» их цивилизационную модель, где люди даже молятся Богу, отгородившись друг от друга в своих «национальных» закутках, число которых может множиться до бесконечности.

Лингвисты говорят нам: тюркские диалекты делятся на три группы: огузские, кыпчакские и карлукские, и такие-то и

такие-то тюркские языки относятся к первой, второй и третьей группам, но потом мы узнаём, что при том, что узбекский язык – карлукский, ряд его диалектов является огузскими, а ряд – кыпчакскими. Очевидно, что тут европейская схема не работает.

Вот и получилось, что до 1920-х годов в Турции, Азербайджане, Татарстане, Туркмении, Узбекистане, Казахстане и Синцзяне был один письменный язык на основе арабской графики, позволявший при этом следовать каждому своей фонетике (так, слово «звезда» по-турецки звучит как *йылдыз*, по-узбекски как *юлдуз*, по-татарски как *йолдыз*, по-казахски как *жұлдыз*, по-киргизски как *жылдыз*, а по-уйгурски как *юлтуз*), с введением же сначала латиницы, а затем кириллицы европейский фонетический принцип это единство разрушил, общее наследие сделал уделом узких специалистов, единиц, владеющих древней письменностью, а возникшую новую интеллигенцию оставил в сиротстве одиночества так называемых «малых народов».

К слову сказать, сиротство и затерянность тюркского поэта в Узбекистане стала одним из лейтмотивов творчества, возможно, первого в современном смысле этого слова интеллектуала и полижанрового писателя (кстати, сотрудничавшего и с «ферганцами») Хамида Исмаилова (р. 1954), писавшего стихи под *тахаллусом* «Белги», а затем создавшего и роман (под гетеронимом Мир Калигулаев) «Дорога к смерти больше, чем смерть» (2005) о гибели этого самого Белги,

сначала похищенного исламистами, а затем попавшего под американские бомбы в Афганистане.

Но если для поэта в амплуа *шаира* новый господствующий язык мог оказаться способом «воспарения», для поэта в амплуа *бахши* (в западной части исламского мира он еще известен под именем *ашуг*), проводящего жизнь в странствиях, не чуждаясь ни дворцов беков, ни хижин дехкан, речь шла уже не о господствовавшем языке, а всего лишь о языке общения со своей аудиторией, пестрой как в классовом, так и в этническом отношении (классический пример – кавказский ашуг Саят-Нова, всемирно известный из фильма Параджанова «Цвет граната», слагавший свои песни на тюркском, родном армянском, грузинском и отчасти персидском языках).

5

Но пора перейти непосредственно к стихам Хамдама. Одно дело дружеские связи, благодарная память о юности в компании старших и более опытных товарищей, другое – природа его дарования. А оно словно специально развивалось в противоположную от общеферганских настроений сторону.

Уже в ранней книге «Фергана» буквально в каждом стихотворении прорывается тот самый социальный опыт, который призывает забыть манифест Шамшада, но самое глав-

ное – вместо высокой и холодной красоты небесной поэзии мы чувствуем сноровистость ладоней веками уважаемых городских мастеров, теплоту молодых тел, непритязательное достоинство рядовых людей:

...в прокуренной комнате, рядом с нами,
безмолвно трудятся люди. Их руки
треплют веревки, сплетаемые в трос – единственное,
что связывает их в эту минуту...

...жажда
обветрила кожу...

«Приливы»

Вторая особенность – владение той интонацией, которая когда-то связывалась с «лирическим началом», «вдохновением» и другими вещами, всякий век требующими переназывания, владение искусством диалога, умение передать слово персонажу (точь- в-точь как *бахши* и *ашуг* в *дастане*, пересказывающем содержание расцветенного высокой риторикой и цитатами из классиков *маснави* для слушателя из народной толщи). Примечательно и как работает Хамдам с общеферганским топосом: хождением в *мюриды* к некоему *шейху*. Если у Шамшада этим шейхом становится кто-то (конкретно не названный, и в этом – дополнительная сила приема) из итальянских герметистов, то у Хамдама – виртуоз как раз такого лирического высказывания, житель мусульманского мегаполиса Аль-Искандария (Александрия

Египетская) Константинос Кавафис:

Так часто
я пробовал ускорить нашу встречу:
и теребил тебя, и тормошил, и заклинал,
и плакал и смеялся, и ножом
колол себя меж ребер, примеряя
метал к биению сердца. Часто
я забывал о том, что существуешь ты – лишь потому,
что было много прочих женщин,
с ума сводивших или заменявших
воспоминанье о тебе на время. Часто
не знал я кто ты, зная о тебе так много. Часто
я видел взгляд твой в блеске чужих глаз и путал
тебя с другими.

Третье – музыкальность. Оба амплуа мусульманского поэта работают как со словом, так и с музыкой. Конечно, разница между ними не меньше, чем между филармоническим музыкантом с белой бабочкой во фраке и диджеем с крашеными в ядовитый цвет волосами, пирсингом и татуировкой, в яркой футболке с эпатажным рисунком, но музыка и того и другого принадлежит к одному звуковому семейству, крайне далекому от европейского темперированного строя. Впрочем, между средневековой и даже отчасти ренессансной музыкой христианского и исламского миров пропасть была не столько глубокой, но уже начиная с эпохи барокко европейское ухо стало невосприимчивым к еще вчера во многом об-

щему наследию. В поэзии Хамдама эта иная музыкальность не декларируется в лоб, не исключено, что она до конца и не осознается самим автором, однако чтение его книги подряд обнаруживает специфическую погруженность в звуковой и ритмический поток особой природы, не предполагающий ни яркого вступления, ни экспозиции, ни контрастных тем, ни эффектного финала (музыка должна как бы невзначай оборваться). Так на полуслове обрывается стихотворение «Дословно», представляющее собой принципиально не имеющий начала и конца монолог некой героини.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.